Марина Цветаева

Красною кистью

Рябина зажглась.

Падали листья.

Я родилась.

Она родилась 8 октября 1892 года, Марина Цветаева, русский поэт.

Только два поэта в русской литературе носят женские имена - Марина Цветаева и Анна Ахматова. Да, женщины писали и пишут стихи, но их называют «поэтессами», а то, что они пишут – «изделье слабых дамских пальцев». Справедливо или нет – другой вопрос. Но так уж повелось.

О стихах Цветаевой никак не скажешь «изделье слабых дамских пальцев», какое там!

Два солнца стынут – о Господи, пощади –

Одно - на небе, другое – в моей груди...

Читателя, впервые открывающего книгу стихов Цветаевой, накроет мощной волной её поэзии, он будет ошеломлён не только космическим масштабом заключённых в ней чувств, но и непомерной требовательностью к нему, читателю. Читатель должен соответствовать высокому строю её лирики: К Вам всем – что мне, ни в чём не знавшей меры,

Чужие и свои?! –

Я обращаюсь с требованием веры

И с просьбой о любви.

Она всегда была чрезвычайно требовательно к людям, но прежде всего – к себе, потому что с неё требовали непомерного с самого рождения.

Вся её жизнь – сплетение противоречий. Всё у нее не так, «как у людей». Вот её семья. Отец, немолодой профессор филологии. Когда он женился на её матери, он был уже вдовцом с двумя детьми. Она – юная и очень талантливая. Казалось бы, обыкновенный неравный брак, где он – любит, а она – снисходит до него. На самом деле всё совершенно иначе.

Вот как писала об этом сама Марина: «Между полнотой желания исполнением желанья, между полнотой страданья и пустотой счастья мой выбор сделан отродясь - и до родясь.

Ибо Татьяна (Ларина, знаменитая пушкинская героиня) до меня повлияла ещё на мою мать. Когда мой дед, А.Д.Мейн, поставил её между любимым и собой, она выбрала отца, а не любимого... Моя мать выбрала самый тяжёлый жребий – вдвое старше вдовца с двумя детьми, влюблённого в покойницу, на детей и на чужую беду вышла замуж, любя и продолжая любить - того, с которым потом никогда не искала встреч...»

Как же хотела Мария Александровна Цветаева, мать Марины, чтобы первым её ребёнком был мальчик, Александр. Ведь девочки так несвободны! «Но когда вместо желанного, ... сына Александра родилась только я, - писала Марина Цветаева, - мать, самолюбиво проглотив вздох, сказала: «По крайней мере будет музыкантша». И действительно, первым словом Марины было «гамма». Мать тотчас стала учить её музыке. Способности к музыке у Муси, так звали Марину в семье, были уникальные: слух, большая рука, сильный полный удар и «удивительно-одушевлённое» туше (способ касания клавиш, от которого зависит сила и окраска звука). Но – она была Поэт. Отсюда – тайное и могучее сопротивление усилиям матери воспитать из неё музыканта.

«Мать не воспитывала – испытывала: силу сопротивления, - поддастся ли грудная клетка?... После такой матери мне осталось только одно: стать поэтом», - так писала Марина Ивановна. Это тайное, мощное сопротивление стало основой её характера: старомодная учтивость и бунтарство, предельная гордость и предельная простота.

Нельзя – значит нужно сделать. Если тайна – нужно открыть. Для маленькой девочки весь дом – тайна! А в тайном доме есть тайная комната, точнее, комната с тайной, куда нельзя – запретный шкаф. Запретный плод. Этот плод – том, огромный сине-лиловый том с золотой надписью вкось – Собрание сочинений А.С. Пушкина. Конечно, в доме Цветаевых были книги для детей, в том числе и Пушкин, тоненький, невесомый, «обезвреженный». Ненастоящий. Не Маринин. Значит, можно не читать. Читать надо того, что спрятан. (Хороший ход для родителей. Заприте книжный шкаф. Скажите, что нельзя. Через день детей от книжки будет не оторвать).

Толстого, тайного, запретного Пушкина Марина читала в шкафу, носом в книгу и в книжную полку, почти удушенная его весом... Пушкина она читала прямо в грудь, прямо в мозг. Первое, что прочитала в запретном томе Муся - «Цыганы». Прочитала и приняла,

и запомнила. Пушкин заразил Марину любовью. «Это было совсем новое слово – любовь. Когда жарко в груди, в самой грудной ямке… и ни кому не говоришь – любовь…А я влюблена – в «Цыганы»: в Алеко, и в Земфиру, и в ту Мариулу…

Но в конце концов любить и не говорить – разорваться, по словам Марины. И она нашла себе слушательниц в лице няньки и её приятельницы. Естественно, эти посиделки тоже были тайными! Мать – на концерте, младшая сестра спит. Вот исчерпаны все разговоры о господах, выпиты все чашки чаю, наступает черёд маленькой Муси. Нянька начинает хвастаться Мусенькой, умницей, грамотной. Мусенька сейчас прочитает про овечку. Но про овечку Муся читать не будет. Она вообще любит больше волка, он тоже хороший. А с ягнятами у неё как-то любовь не складывается. Маленькая Муся рассказывает слушательницам «Цыган».

Чуть позже шестилетняя Муся так же страстно влюбилась в Татьяну и Онегина. И опять вопреки всему и всем. Мать взяла её на публичный рождественский вечер, где давали отрывки из опер. На вопрос матери, что ей больше всего понравилось, она так и ответила – Татьяна и Онегин. Мать не поверила. Не «Русалка», где мельница, князь и леший, словом, сказка, что должно нравиться детям. Что ребёнок может понять в Онегине? Мать уверена, что Муся всё придумала, но та упрямо повторяет: «Татьяна и Онегин» Муся немеет, каменеет, даже подаренный мандарин остается незамеченным… На обратном пути мать ругается: «Опозорила!! Не поблагодарила за мандарин! Как дура – шести лет – влюбилась в Онегина!» Мать ошибалась. Марина влюбилась не в Онегина, а в Онегина и Татьяну, в них обоих вместе, в любовь. Причём в любовь несчастную, невзаимную, невозможную. С этой минуты маленькая Марина не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь – обрекла. Многое определил в жизни Марины «Евгений Онегин», где героиня первая пишет любовное письмо, где вместо любовной сцены – сцена странная: она любит, он – нет. Он уходит, она остаётся. Не плачет, не бросается следом, не умоляет о любви – застывает статуей. Маленькая девочка получила великий урок. Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества. И так всю жизнь: «Одна – из всех – за всех – противу всех!…»

И даже часто противу собственной природы. Толстенькая девочка с прямыми золистыми волосами хотела быть лёгкой, тонкой, быстрой. Старалась. Бегала быстрее всех, плавала лучше всех. В юности пила уксус, чтобы похудеть. Хотела, чтобы прямые золотистые волосы вились крупными кольцами, как у добрых молодцев из русских сказок, – несколько раз брила голову наголо, ходила в чепце. И ведь добилась – вились. Но главное было в другом. Главное – стихия стиха, которая была для неё родной, так же как для матери –

музыка. Она никогда не барахталась в этом океане беспомощным котёнком, скорее, маленькой амазонкой она оседлала крылатого коня поэзии и сильной рукой направила его прямо в зенит. И Пегас покорился маленькой наезднице. Он пронёс её через счастье и несчастье земной жизни, через любовь и страдания, через запрет на её стихи на Родине, через всё. И она стала одним из немногих русских поэтов, носящих женское имя. Она стала Мариной Цветаевой.

Моим стихам, написанным так рано,

Что и не знала я, что я – поэт,

Сорвавшимся, как брызги из фонтана,

Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,

В святилище, где сон и фимиам,

Моим стихам о юности и смерти,

- Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам

(Где их никто не брал и не берёт!)

Моим стихам, как драгоценным винам,

Настанет свой черёд.

Это стихотворение двадцатилетней Марины оказалось пророческим.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь